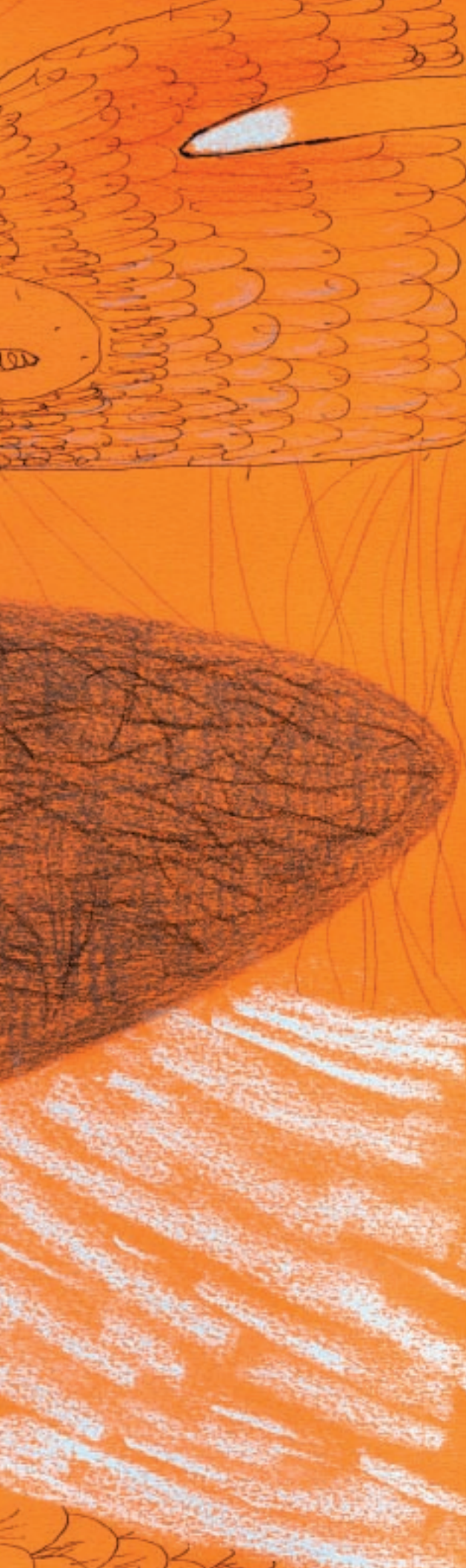

Станция Финистер

Людмила и Александр Белаш

ФАНТАСТИКА

Как ни странно, но мы тоже биологи. Это своего рода биологическая станция.

Герберт Уэллс. Остров доктора Моро

Старый прохиндей дон Флорес неплохо потрудился на своем веку: и взятки брал в суде, и темные дела улаживал за мзду, и с помощью подкупленных почтовых служащих читал чужие письма — ничем не брезговал. Иригойен, Урибуру или Хусто — ему было все равно, кто сегодня главный в Буэнос-Айресе; он добывал песо, фунты и доллары. И не его вина, что главное сокровище он упустил. В ту пору — а умер дон Флорес де Ларра в 1936-м — знали только переливание крови, а о том, чтобы вшить кому-нибудь чужую печень, даже не мечтали.

Дон Флорес заботливо сохранял копии вскрытых им писем, и за это адвокат Каэтано де Ларра, видевший деда лишь на старых фото, был ему весьма признателен. Пожелтевшие от времени листки, покрытые мелким почерком Флореса, позволяли шантажировать тех, кто не хотел огласки старых семейных тайн. Грязные сделки, измены, дети, прижитые от любовников... Но оказалось, что самое ценное в этой коллекции содержалось в письме, адресованном во Французскую Полинезию и подписанном одной буквой «S».

Откровения S побудили Каэтано заняться тщательными розысками, тем более что S прямо говорил адресату: сведения об опытах 1877–1887 годов на острове Ноубл — лживые или намеренно неполные, архив и лабораторные журналы с описаниями экспериментов не сгорели, а, скорее всего, похищены тем же случайным визитером, что описал дела на Ноубле в духе сказки о безумном ученом.

Сам S поступил умнее: покидая Аргентину, он вывез все свои бумаги до единой.

Каэтано рассчитывал когда-нибудь добраться и до бумаг S. Он был уверен, что работы S содержат тот же (или другой, что еще интересней) способ надежной ксенотрансплантации. Органы животных — и человеку, вы представляете?!

Патент на такое изобретение мог бы озолотить род де Ларра на вечные времена. Как же они — эти ученые сычи, эксперты из университета — не поняли тогда, в паузе между мировыми войнами, какие барыши это сулит!.. Наверное, S забежал слишком далеко вперед, чтобы его оценили по заслугам.

Интернет позволил Каэтано вычислить возможных держателей ценных бумаг с острова Ноубл — не зря же в Сети спесиво вывешены генеалогические схемы английских фамилий. Осторожная переписка и несколько сеансов связи по телефону с Англией определили того, кто, сам не подозревая, сидел на сундуке с деньгами: Олстон Чарлз Прендик, 32-х лет, менеджер, проживающий в лондонском районе Brentford.

Тут уж было не обойтись без личного знакомства, хотя Каэтано не нравилось общаться с англичанами. Когда он переживал за солдат на Мальвинских островах, мальчишка Олстон наверняка вопил в приступе военной лихорадки: «Вышвырнем латинос с Фолклендов!»

Олстон назначил свидание в пабе. Видимо, небрежно повертев визитку, решил: «Невелика птица — всего-то адвокатишка-аргентинец». Каэтано рассчитывал минимум на ресторан, и выбор Прендика его немного обидел.

При встрече стало ясно, что житейский опыт и разница в пятнадцать лет что-нибудь да значат. В подтянутом, высоком, голубоглазом Ол-

стоне чувствовалась имперская закалка — это у британцев в крови, однако Каэтано, толстенький и лысоватый, с первых слов завел речь о бумагах — и не прогадал: менеджеру Олстону многое хотелось узнать, и он поневоле начал говорить больше, чем следовало:

— Слушайте, Ларра, почему этими документами регулярно интересуются бродяги, алкоголики и иностранцы? Это длится с Первой мировой, и вы очередной продолжатель традиции. Я сомневаюсь, что там зашифрованы координаты алмазного клада. Будь оно так, деда или отца давно бы убили, а документы — выкрали. Вы все приезжаете как будто убедиться, что эта макулатура цела, а мы, Прендики, по-прежнему в ней ничего не смыслим... Что ж, я ее читал и консультировался на сей счет. Какой-то ранний, варварский этап науки: вывесеция, пересадка лап и ушей у собак... причем сплошные неудачи. Расскажите-ка мне, в чем тут соль, а то наш разговор не состоится. Итак?

— Иностранцы... — проговорил Каэтано и сделал паузу, чтобы сделать глоток пива, — это занятно! Мистер Прендик, я полагаю, что и вы от меня скрываете немало интересного. Предлагаю обмен информацией: я вам, вы мне. Без моих сведений вы останетесь хранителем бесполезного богатства... Размер вашей доли мы обсудим позже, а пока мой первый вопрос: когда и какие бродяги досаждали вам по тому же поводу?

Олстон помолчал, взвешивая слова аргентинца. И Каэтано решил показать, насколько глубоко вник в эту историю:

— Бумаги, доставшиеся вам по наследству, были незаконно присвоены. Правда, их присвоили не вы, а дядюшка вашего прадеда, Эдвард Прендик. Он вывез их с острова Ноубл — это западнее Галапагос, эквадорское владение. А принадлежали бумаги физиологу Рандолфу Моро.

— Глупости, — отрезал Олстон. — Старина Эдвард был большой фантазер с причудами. Его записки о приключениях в Тихом океане — плод воображения, он даже стеснялся напечатать их при жизни.

— И сфабриковал бумаги Моро, чтобы подкрепить выдумку, которую было неловко опубликовать?

Олстон недовольно поджал губы:

— Вы стучитесь в стену вместо двери. Эдвард Прендик занимался биологией у Хаксли, ставил опыты. Позже по материалам своих исследований написал нечто вроде повести. И все.

— А иностранцы?

— Да, вот, например, вы. Зачем вы прилетели из Буэнос-Айреса?

— Чтобы купить бумаги или убедить вас разумно воспользоваться ими. Те, кто спрашивал о них раньше (не знаю кто, но догадываюсь), охотно бы заполучили их. Но они не кровожадны; эти скорее подождут, пока представится удобный случай. То-то они вас навещают так упорно... Ну как, будем сотрудничать? У меня есть карта, у вас автомобиль, и доехать мы сумеем только вместе.

— А какую выгоду вы надеетесь извлечь? — Кажется, Олстон стал склоняться к положительному решению.

— Много миллионов, — тихо сказал Каэтано. — Столько, сколько смогут заплатить люди, нуждающиеся в пересадке органов. Вам известно об отторжении трансплантатов? О том, что даже в лучшем случае это происходит через несколько лет после операции? Те, кто следят за рукописями Моро, знают способ избежать этого. Бумаги будут приманкой, чтобы прямоком выйти на них...

Теперь завязался вполне предметный разговор.

— В первый раз это случилось в тысяча девятьсот двадцатом, когда прадед Чарлз вернулся из Индии, — рассказывал Олстон. — Его попросил о встрече человек, которого звали Мердок Монтгомери.

— Тот, кого якобы убили чудища Моро на Ноубле?

— Да, тот самый. Это был спившийся, больной старик. Он ныл и жаловался, что Эдвард бросил его и уплыл на един-

ственной лодке. Просил вернуть бумаги. Чарлз его выгнал. Смешно: Монтгомери был старше, он пережил Чарлза лет на семь. Крепкая кость была у этого пьянчуги. Скитался по южным морям, жил среди дикарей, сидел в тюрьме.

— Дальше, дальше! — торопил Каэтано.

— Дальше была Вторая война. Незадолго до нее... а дед тогда как раз готовился к свадьбе, ему прислал визитку некий... — Тут, услышав фамилию S, Каэтано внутренне возликовал: все сходится, все нити затягиваются в единый узел! — ...испанец, доктор медицины, но практиковал он почему-то во французской колонии. Немолодой, но выглядел прекрасно, как говорил дед. Еще дед сказал о нем: «Если бы Шерлок Холмс был брюнетом и брил голову...»

— Ну и что же?

— Ничего. Гость был очень вежлив. Он расспросил о бумагах и посоветовал хранить их как редкий исторический экспонат.

— Туамоту...

— Что?

— Он работал на островах Туамоту, точнее, на атолле Таэнга.

— Возможно. Где-то там, в районе Таити. Вы что-то знаете о нем?

— Кое-что, — уклонился от ответа Каэтано. — Но сейчас это не важно. Продолжайте, прошу вас.

Третий любопытствующий о бумагах Моро приходил уже недавно, в 1998-м. Тогда бумаги находились у отца Олстона, и Олстон видел гостя. Чем-то похожий на полинезийца, рослый и стройный мужчина лет сорока, с удивительно красивыми лучистыми глазами. Похоже, метис. Вроде бы он прибыл из Австралии, но имя и акцент — французские, а фамилия — испанская. А в Австралию кто только не иммигрировал — хорваты, немцы, русские!..

— Конечно! Австралиец! — Каэтано не сдержался и встал. — Туда-то нам с вами и придется ехать, мистер Прендик.

И он рассказал Олстону самое главное о S: кто он был, чем занимался в Аргентине в начале XX века и чем кончились его святотатственные опыты над животными и человеком. Хотя вряд ли они тогда завершились.

Выслушав все это, Олстон подумал, что, возможно, мы зря

с пренебрежением относимся к энтузиастам зари НТР, которые поднимали в воздух первые цеппелины, вручную промывали радиевую руду, изобретали «лучи смерти» и почти вслепую ставили эксперименты по омоложению организма. Они, эти смельчаки-одиночки, с их всеобъемлющим, цельным, энциклопедичным мышлением и с маниакальной жадой поиска, вполне могли найти нечто, чего не может увидеть наука XXI века, которая в своей мелочной раздробленности схожа с тремя слепцами из известной притчи: каждый врозь ощупывает уши, хобот и ноги слона.

Океанографическая станция Финистер на полуострове Кейп-Йорк в Квинсленде — место тихое и уединенное. Судходный путь из Сиднея в новогвинейский Порт-Морсби — не самый оживленный коммерческий маршрут в здешних водах; корабли обходят Большой Барьерный риф стороной, и у берега царит покой.

По суше к станции Финистер дороги нет — вечнозеленый лес из жестколистных деревьев и колючих кустарников надежно отсекает станцию от слабо обжитой земли зоной в тридцать миль. И до ближайшего города — семьдесят миль. Настоящая глушь.

Но те, кому довелось попасть на Финистер — а таких людей мало, — были очарованы опрятным, ухоженным поселком. Спутниковая связь, причал для катеров, два гидроплана... в общем, легче перечислить, чего нет у жителей станции, чем то, что у них есть. Научная работа, быт и отдых — все налажено.

Станция существует уже полсотни лет, и дружные семьи выходцев из Французской Полинезии, подрядившиеся ее содержать и выполнять программы наблюдения за океаном, вложили в Финистер немало труда и собственных средств; правительство в Канберре всегда радо таким трудолюбивым иммигрантам.

Наверное, если бы не декабрьские муссоны, Финистер могла бы существовать в конкурсе «Райский уголок Австралии».

Франсуа Гонсалес оставил «торпеду» помощникам (ее надо поднять из воды, подзарядить аккумуляторы и осмотреть двигатель) и направился к рабочему корпусу № 2, на ходу снимая очки для подводного плавания и расстегивая гидрокостюм. Легкая летняя сухость уже сменилась давящим зноем октября.

Филипп приветствовал его коротким взглядом и кивком; они виделись утром, и тогда Филипп обещал закончить работу над листком, что прибыл на катере с еженедельной почтой из Уэйпы. Горючее из цистерн катера уже перекачали в емкости на берегу, продукты разгружены, а листок все еще оставался проблемой — возможно, самой сложной проблемой, с которой жители станции столкнулись за последние годы.

— Какие результаты?

— Бумага ветхая, но химикатами для искусственного старения ее не обрабатывали, — доложил Филипп. — Состав чернил соответствует технологии третьей четверти девятнадцатого века. Анализ почерков подтверждает: писали Моро и Монтомери. Иными словами, это подлинник.

— Значит, молодой Прендик дозрел и понял, чем обладает. Но ведь кто-то подсказал ему, где нас найти, а?

Филипп оттолкнулся ногой и отъехал в кресле на роликах от стола с нагромождением лабораторной техники. На плоском мониторе замерло изображение: в свете полной луны изжелта-серый солончак, поросший серебристыми волокнами и кое-где залитый застывшими темно-коричневыми потоками; так при большом увеличении выглядел лист из журнала Моро. Изменчивые цветные картины на экране Филипп мог наблюдать долгими часами без усталости и тошнотворной рези в глазах; его глаза отличались от глаз всех операторов на планете одной маленькой, но очень существенной деталью. Впрочем, и глаза Франсуа тоже.

— Это мог сделать тот, кто проследил перемещения S начиная с тысяча девятьсот тридцать первого года. S не скрывал,

ФАНТАСТИКА

что уезжает на Таэнгу. Следующий этап — переезд в Квинсленд — тоже нетрудно отследить по документам, было бы желание и время. К тому же в сорок девятом об этом сообщала пресса. Скорее всего, поисками занималось частное лицо — какой-нибудь любознательный корыстный человек. Но никак не государственные службы. Аргентина — не та страна, чтобы заботиться о приоритете в фундаментальных исследованиях. Соединенное Королевство нажало бы на Канберру, и нам устроили бы обыск под видом ревизии. А Штаты высадили бы ночью с субмарины десант в черных масках.

— Да, пожалуй... — Франсуа в задумчивости подошел к окну. — То, что случилось, — наиболее предпочтительный вариант. Человек, изучавший следы S, близок к тому, чтобы открыть себя. Надо узнать, кто он, и взять под наблюдение...

На площадке мальчик и две девочки играли с большой кудлатой собакой. На вид детям было лет по двенадцать, но Франсуа знал, что старшей из девочек — всего семь с небольшим, знал потому, что это была его вторая дочь, Дезире.

Он без труда различал золотистый пушок на ее загорелой коже. И она тоже, если бы захотела, смогла бы увидеть даже выражение его лица за оконным стеклом. Франсуа поднял фрамугу и позвал вполголоса:

— Дезире.

Ее уши шевельнулись, еще когда фрамуга пошла вверх. Дезире обернулась и, улыбаясь, помахала отцу рукой. Кар, с трудом уgomонившись после игры, встал на задние лапы, а передние положил девочке на плечи. Потом, разевая пасть, хрипло, отрывисто выговорил:

— Хай! Frrrra, хай!

Собаки не на многое способны, речь их плохо модулирована и бедна. Если старый Прендик не наврал в своих записках, Моро тоже заставлял животных говорить. И не только говорить, но и думать — естественно, на более высоком уровне, чем им дано от природы... Что это, сказки? Вымысел лондонского денди, от неудовлетворенности и скуки викторианского бытия сперва занявшегося наукой, а затем пустившегося в путешествия? Тогда Дезире, пес Кар, и сам Франсуа — даже не сказка, а миф. Но станция и ее обитатели реально существуют. И существует побуревший за сто двадцать лет лист из журнала Моро. Какие открытия может скрывать **весь** журнал?..

Амадис, странный даже для этих мест мальчуган-метис, чьим отцом был сын таитянки и индейца-гуарани, а матерью — дочь ирландца, с легкостью подхватил на руки Кара, весившего добрую сотню фунтов, потом вскинул его на плечо и пошел к морю, немного отклонившись для равновесия, но не согнувшись. Умел ли Моро создавать такие композиты, как Дезире и Амадис? Такие, которые воспринимают от родителей привитые им свойства и затем передают потомству? Мускулатура шимпанзе, всемерно превосходящая по силе человеческую, упроченные кости и связки, многократно обостренный слух, зрительное пятно на сетчатке, увеличенное в три раза...

Франсуа на мгновение представил Моро — могучего седого старика в халате и фартуке, перепачканного кровью, среди

визга, воя и звериных запахов вивария на Ноубле. Отверженный официальной наукой фанатик, который преодолел барьер тканевой несовместимости. Действительно ли он пытался создать новых людей, сшивая химерических тварей: голова волка, тело оцелота, лапы обезьяны?.. Должно быть, его не устраивал род людской, и Моро решил начать все с нуля, со зверя. Начинать же следовало с человека. S понял это, и — вот он, народ станции Финистер.

Наука всегда зарождается в крови, в грязи и, как и пациенты Моро, проходит через Дом страдания, чтобы затем стать чистым Знанием.

Амадис, Дезире и Пеладжа, хохоча, сбросили с себя лишнее и, разметая ногами брызги, устремились в воду. Полаяя, пометавшись по берегу, бросился в море и Кар. Франсуа проводил их тревожным взглядом.

В случае опасности станцию можно эвакуировать за сутки. А потом — долго обживать на новом месте: тщательная, кропотливая легализация, покупка жилья, оборудования и транспорта... Совет станции обсуждал и такую возможность. Есть укромные места — скажем, берега и острова Калифорнийского залива, карибское побережье Никарагуа. Но это — стресс: вынужденная смена образа жизни, потерянные годы, разрушенные судьбы детей.

— Надо связаться с теми, кто прислал фрагмент журнала, — обернулся Франсуа к Филиппу. — Сообщить, что мы готовы с ними встретиться. Здесь, на станции. Пусть приезжают со следующим катером из Уэйпы. Совет Финистер меня поддержит.

Филипп кивнул и начал составлять письмо на адрес электронной почты, что лежал в конверте с листом рукописи.

Де Ларра и Прендик приняли все меры предосторожности. Архив Моро упрятали в ячейку хранилища ценностей при отеле, где они остановились; известили ближайших знакомых, что отправляются на Финистер, и справились в береговой охране, безопасен ли путь до станции. Они были готовы ко всему, но ничто не могло заставить их врасплох. Всю дорогу (а путь занял пять с половиной часов) адвокат ждал подвоха и с подозрением присматривался к экипажу.

Прендику, напротив, понравились эти высокие, ладные парни и девушки. Определенно, к англосаксам эти люди не принадлежали — скорее, к средиземноморской расе: смуглые, черноволосые, даже, возможно, с примесью азиатской крови. Особенно хороши были девушки в льняных шортах и блузах с короткими рукавами; на их шеях, оттеняя кожу, матово играл розовый жемчуг. Обычно такие милашки — в купальниках или топless — украшают обложки журналов и рекламные буклеты полинезийских курортов. Попытка завязать с ними знакомство закончилась неудачей: то ли девицы были ко всему равнодушны, то ли Прендик вел себя не по-курортному чопорно. Тогда он принялся любоваться берегами, желтыми над синей гладью. За проливом, отделяющим остров Принца Уэльского от материка, начались воды Кораллового моря.

Казтано тоже внимательно разглядывал симпатичных морячков — без вождения, но с затаенным желанием увидеть где-нибудь на их телах послеоперационные рубцы. Ничего!..

Станция показалась почти безлюдной. Встречали их двое: знакомый Олстону директор Франсуа Гонсалес и молодой океанолог Филипп Вильбуа. И еще собака — мощный, лохматый пес медвежьего окраса, с короткой мордой и умными глазами.

— Надеюсь, вы понимаете, что ради вашего удобства мы не можем лишний раз посылать катер в рейс, — напомнил Гонсалес, объяснив, что именно он и его коллега Вильбуа уполномочены вести переговоры. — Если хотите, можете пожить у нас неделю, а если нет — к вашим услугам гидроплан, но вам придется оплатить расход горючего и работу пилота.

— Мы отправимся в Уэйпу, когда достигнем соглашения, — неопределенно высказался Казтано, — или если соглашение не состоится.

Он был не прочь как следует осмотреть станцию, но полагал, что им далеко не все покажут. И отчего-то ему очень не нравился этот молчаливый бурый пес.

Хозяева угостили их скромным, но сытным обедом, после чего перешли к делу.

— Мы готовы приобрести у вас рукописные материалы, образец которых вы представили. Ваша цена? — Гонсалес был спокоен и готов торговаться, но у Казтано для него имелось особое предложение:

— Обмен. Мы бы хотели совершить обмен. Копию за копию. У вас есть рукописи S, у нас — рукописи Моро. Если договоримся о взаимно безопасных условиях, то мы пропустим через сканер или снимем цифровой фотокамерой ваши бумаги, а вы — наши.

Это был тот случай, когда роль денег играет информация. Но хотя Казтано мог бы удовлетвориться и содержанием архива S, его намерения простирались куда дальше. Скажем, выманить этих экспериментаторов вместе с бумагами с их труднодоступной станции; это откроет богатые возможности для давления и шантажа. Можно потребовать экспертизы документов S на подлинность, деликатно пригрозить разоблачением, — дескать, нам известно, что вы ставите опыты на людях. Наконец, предложить партнерство. У Олстона Прендика широкие знакомства в лондонских деловых кругах, он найдет инвесторов.

Однако Олстон решил сам ускорить события — роль статиста в замыслах де Ларры его не устраивала. В конце концов, архив Моро принадлежал ему!

— Господа, — вмешался он, — нам в общих чертах известно направление ваших работ. Ради Бога, не воспринимайте мои слова как упрек, но нам кажется, что вы держите под сукном полезные изобретения. Вы не можете не знать, насколько сейчас на подъеме трансплантология. Десятки тысяч операций во всем мире! Это же колоссальный бизнес. Если мы объединим усилия... При нашей поддержке вы создали бы открытый центр по пересадке органов, заработали бы огромные деньги. Только представьте себе, какова потребность развитых стран в трансплантации! А реплантации конечностей?

— Все это нам известно, — холодно ответил Франсуа.

— Наконец, есть и моральная сторона вопроса, — горячился Олстон, видимо, решив придать своим планам ореол благородства. — Мы сможем прекратить преступную торговлю органами!

— Боюсь, что вы скорее ее расширите. На черном рынке, кроме почек и сердец, появятся конечности. Они, разумеется, более стойки при хранении и транспортировке, чем внутренние органы, но по-прежнему их будут брать у живых лиц и без согласия этих людей.

— Значит, вы умеете сшивать и восстанавливать нервы? — невинно спросил Казтано.

— Кажется, мы говорим об обмене рукописями, а не об обмене ноу-хау? — Франсуа до мельчайших деталей (порой это раздражает) видел рыхлое, сальное, ноздреватое лицо толстяка. — И вы, я догадываюсь, не медик. Обычное сшивание нервных стволов неэффективно.

— Я бы оставил вопрос о нашем взаимодействии открытым. — Олстон ясно понимал, что без опытных спецов со станции раскрутить проект де Ларры будет трудно. Правда, образцов, сделанных на основе идей Моро и S, он не видел, но Казтано предъявил ему микрофильм с текстами буэнос-айресских газет 1925 года и тогдашними фото. В норме такого не бывает — если, конечно, не считать экспонаты кунсткамер. С другой стороны, в прессе и ныне мелькают «подлинные» фотографии йети, морских змеев и зеленых человечков со вздутыми лысыми

головами. Так что Олстон испытывал и некие здравые сомнения.

— Итак, мы встретимся в Уэйпе через неделю, — подытожил Гонсалес. — Мы приедем на катере и привезем документы. Полагаю, чтобы подготовиться к встрече, вам надо прибыть туда по воздуху. Вас это устроит?

Каэтано хотелось остаться, чтобы разнохнуть хоть что-нибудь о происходящем на станции. Но увы, Гонсалес прав. Надо подготовить людям с Финистер достойную встречу в Уэйпе! Там наверняка найдутся крепкие парни для грубой, даже очень грубой физической работы...

— Я уважаю ваше мнение, — продолжал разглагольствовать Олстон уже по пути к гидроплану. — Уважаю, но не разделяю его. Возможности нашего века и те открытия, что сделал Моро...

— Мистер Прендик, — суховатым тоном перебил Гонсалес, — вы намерены получать доходы. Попробуйте — может быть, вам это удастся... Мы же считаем, что человечество не готово принять эти открытия. Что их будут применять во вред. Во-первых, они еще резче обозначат разрыв между имущими и неимущими, а во-вторых, приведут к созданию каких-нибудь универсальных солдат. Задумайтесь: хотите ли вы этого? Если бы вы решили сжечь бумаги Моро, не сохранив копий, я бы огорчился, как ученый, но искренне пожал бы вам руку, как человек. Порамыслите хорошенько. Вы можете сообщить мне о своем решении по радиотелефону, вот номер для связи. Я буду ждать до послезавтра, и если вы решитесь, то приеду на это аутодафе. Помните, бумаги — ваши, и вы вправе распорядиться ими, как сочтете нужным.

Слух у отставшего Каэтано был куда слабее, чем у Франсуа, и разговора директора станции с Прендиком он не слышал. А вот Франсуа весьма отчетливо слышал его шаги и сопение сзади; адвокат вертел головой, надеясь приметить хоть что-то важное. Но на глаза попала только тоненькая девочка-подросток, наблюдавшая за отъезжающими из тени деревьев.

Кроме того, Каэтано переполняли недобрые мысли о Гонсалесе и Прендике: о чем они там сговариваются?..

Второй гидроплан вылетел через четверть часа после первого, и напрямик, чтобы успеть высадить в Уэйпе собственных пассажиров — до того, как туда придут возвращающиеся со станции визитеры. На борту, кроме пилота, были двое мужчин, девочка-подросток и пес Кар.

Минул день, за ним еще один, но Олстон Прендик так и не связался с Франсуа. Вообще, Олстон посвятил размышлениям над словами Гонсалеса не больше четверти часа и решил про себя, что неимущим вполне хватает социальной помощи и пожертвований, а солдаты, усовершенствованные посредством бионики, — совсем неплохая идея и не мешало бы ее развить. Каэтано тем временем носился по Уэйпе, заводил какие-то сомнительные знакомства, шептался в барах с угрюмыми мужчинами спортивного телосложения, а по возвращении в отель потирал ладони, подмигивал Олстону и намекал, что дело ладится. Кажется, он и с местной полицией нашел общий язык.

На четвертый день, когда Каэтано вновь отправился в портовый бар (и опять взял у Олстона денег «в качестве аванса нужным людям»), Прендик в обычное время отправился на пляж. Он никогда не изменял своим привычкам. Участок моря возле пляжа отеля был защищен от акул, погода — именно такая, чтобы искупаться. Олстон неплохо плавал и брассом удалился от берега метров на семьдесят.

Его появления давно и терпеливо ожидала девушка в ластах. Она притаилась за противоокулей сеткой у большого камня, по-лягушачьи выставив из воды лишь макушку в чепце мокрых волос и лицо до ноздрей. Надев очки, девушка бесшумно ушла под воду, поднырнула под приподнятую у дна

ФАНТАСТИКА

сеть и, подплыв снизу к Олстону, вцепилась в его щиколотки и потащила за собой на глубину. Ни вскрика, ни плеска — Олстон Чарлз Прендик исчез, лишь слабо взмахнув руками.

Задыхаясь, он еще яростно сопротивлялся, но девушка оказалась невероятно сильной и, похоже, совсем не испытывала удушья. Уже теряя сознание, Олстон увидел на ее спине, ниже лопаток, жаберные щели. Он успел это понять и поверить рассказам де Ларры, но поведать об этом никому не смог.

Неудачей завершился и поход Каэтано в бар. В переулке на него молча бросился большой, лохматый бурый пес. Он сбил адвоката с ног и разорвал ему горло. Каэтано де Ларра умер от кровопотери раньше, чем ему смогли оказать медицинскую помощь. Случайные свидетели этого происшествия позже уверяли полицию, что, сделав свое дело, пес бросился к пристани и, прыгнув в воду, больше не показывался на поверхности.

Связку больших старых тетрадей, помещенную покойным Олстоном Ч.Прендиком на хранение в отель, изъяла полиция Уэйпы. Дальнейшая судьба их неясна, но несомненно, что похожий на полинезийца мужчина лет сорока пяти как-то вечером зашел в полицейское отделение с пустыми руками, а вышел, дружески распрощавшись, с каким-то увесистым пакетом.

— **З**ирра, Зирра, — ластился Кар к Дезире, и девочка нежно потрепала пса по загривку. Затем приказала: — Тихо, тихо. Ложись. Нельзя шуметь.

Кар был умным, воспитанным псом, он понимал, что в этом месте надо вести себя смирно. Небольшой огороженный участок в лесу, расположенный за станцией, люди посещали редко и почти не разговаривали здесь. Тут было очень чисто; продолговатые холмики с торчащими над ними каменными плитами — больше ничего. Почуввав рядом сумчатую кошку, Кар сдержанно порычал сквозь зубы; кошка взмыла на дерево и затаилась.

Дезире раскладывала белые цветы по могилам. Помолчав, она вздохнула и, позвав Кара быстрым ультразвуковым свистом, пошла к выходу из ограды. Закрывая решетчатую калитку, девочка бросила взгляд на ближайшее надгробье. Здесь лежал отец, известный как S, с названным сыном — оба глубоко чтимые на Финистер. Надпись на этой могильной плите гласила:

БАРТОЛОМЕ САЛЬВАТОР-И-ГАЛЬДОС
доктор медицины
1873–1954

ХОСЕ ГОНСАЛЕС
(ИХТИАНДР)
1905–1968